Дом-музей Марины Цветаевой

Онлайн-проект «Волны пасхального звона»

Создан по мотивам одноименной выставки, прошедшей в Доме-музее Марины Цветаевой в 2016 году

Кураторы – Елена Яковлевна Зотова и Марина Евгеньевна Башлыкова

Художник – Василина Харламова

Текст, подбор материалов – Мария Степанова

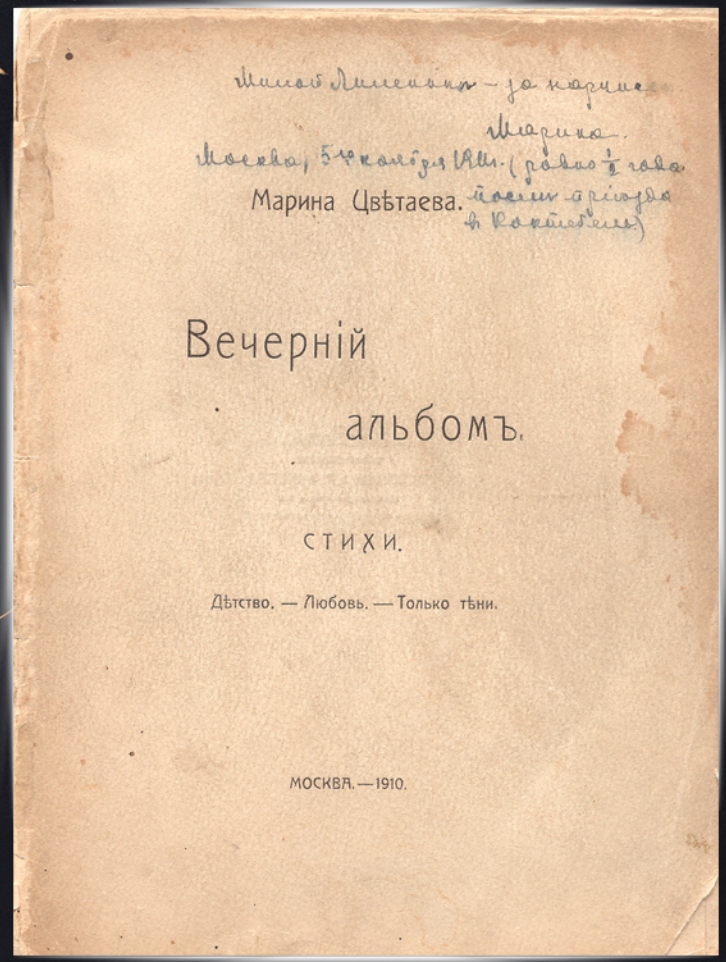
Оформление – Артем Гусев

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

М. Цветаева

Дом-музей Марины Цветаевой

Новозаветная Пасха – Воскресение Христа – величайшее событие мировой истории, главный праздник восточного христианского мира – «праздников Праздник и Торжество из торжеств». Это праздник победы над смертью и тлением, весеннего обновления, спасения и надежды. В традициях празднования Пасхи в дореволюционной Москве присутствует то, что свойственно только восточной цивилизации.

Николай Бердяев писал: «Православие обращено к тайне Воскресения, как к вершине и последней цели Христианства. Поэтому центральным праздником в жизни Православной Церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение.

Светлые лучи Воскресения пронизывают православный мир.

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

В православной литургике праздник Пасхи имеет безмерно большее значение, чем в Католичестве, где вершина – праздник РождестваХристова. В Католичестве мы, прежде всего, встречаем Христа Распятого, в Православии же – Христа Воскресшего. Крест есть путь человека, но идет он, как и весь мир, к Воскресению. Тайна Распятия может заслонить собой тайну Воскресения. Но тайна Воскресения есть предельная тайна Православия».

Пасхальная ночь в Москве – незабываемое чудо – как для жителей города, так и гостей страны, интересующихся русской культурой. Младший современник Марины Цветаевой В.Д. Никифиров-Волгин в рассказе «Светлая заутреня» писал: «Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидал ее, тот до гроба поминать будет.

Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звездами упадет на зёмлю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне... <...> Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок сороков вторят ему как реки в половодье!

Такая, скажу тебе, сила плывет над Первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эх, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!»

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

Дом-музей Марины Цветаевой

Борисоглебский переулок 6

Великий Рильке писал весной 1904 года своей корреспондентке из Италии: «Один-единственный раз была у меня настоящая Пасха. Это было тогда, той долгой, необычайной, особенной, волнующей ночью, когда всюду толпился народ, а Иван Великий бил, удар за ударом, настигая меня в темноте. Это была моя Пасха, и я думаю, мне хватит ее на целую жизнь. В ту московскую ночь мне была торжественно подана великая весть, проникшая в мою кровь и в сердце.
И теперь я знаю: Христос воскрес!»

Дом-музей Марины Цветаевой

Борисоглебский переулок 6

Практически нет русских авторов, не касавшихся пасхальной тематики в своем творчестве: «В создании поэтической антологии пасхальных стихотворений участвовали почти все русские поэты» (В.Н. Захаров. «Пасхальный рассказ как жанр русской литературы»). К жанру пасхального рассказа обращались М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, А.М. Ремизов, А.И. Куприн, Л.Н. Андреев, Ф. Сологуб, Н. Тэффи, В.В. Набоков, И.А. Бунин.

Христианская культура является частью русской и – шире – мировой культуры, к которой М. Цветаева, безусловно, принадлежит.
Марина Цветаева родилась и выросла в православной России, ее дед был священником; в семье Цветаевых отмечались церковные праздники.
«Меня иногда спрашивают – была ли Марина Ивановна верующей?
По-моему, определенно – да.
Но, конечно, не в каком-нибудь узко конфессиональном смысле.
Основываю я свое мнение на том, что она с большим уважением относилась к людям, в каком-то смысле – посвятившим себя Богу, даже сравнивая их с другими, тоже религиозными, но как бы желавшими соединить свою веру с радостью жизни – что вполне и законно, но что не вызывало ее одобрения, по свойственному ей максимализму...» – вспоминала чешская знакомая М. Цветаевой Е.Н. Рейтлингер.

«Пасха – наш любимый праздник», – писала А.С. Эфрон подруге Нине Гордон в 1967 году. Важность праздника для семьи Цветаевых подтверждала и О.А. Трухачева в воспоминаниях о бабушке – родной сестре М.Цветаевой. Сама А.И. Цветаева, вспоминая детские годы и праздник Пасхи, писала:

«Пасхальная ночь! Все уходили из дома, дети оставались одни с няней и гувернанткой. Ночь была – как пещера: пустая, но полная ожиданием часа, когда прокатится над Москвой и Москвой-рекой первый удар колокола, с колокольни Ивана Великого, – и, кидаясь в его голос, заждавшимся трепетом своих голосов все колокола Москвы и всех московских окрестностей заголосят, заликуют неслыханным хоровым трезвоном, испуская в черную, как глухое сукно, ночь такое количество звуков, что, перегоняя все горелки детских игр и все симфонические концерты старших, перезванивая колокольным сияющим щебетом все колокольчики русских дорог и все весенние рощи, звуки, захлебнувшись собой, вырвутся из своего царства – и тогда над Москвой-рекой полетит к ним на помощь воинство царства соседнего – слепящее серебро, золото, олово, медь, слившиеся, жар всех Жар-птиц всех русских сказок, и, взлетая вверх, под тучи, обронит в холодные весенние воды, окаймленные огоньками, перья всех цветов и красок со всех художнических палитр.

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

По-московски это называлось – “ракеты”. А вокруг Царь-пушки царята всех пушек, не в силах стерпеть, выпустят на свободу из жерл ядра свои суворовским и кутузовским грохотами, – и уж ничего нельзя будет понять, ни увидеть, ни услыхать...

Припав к окнам с открытыми форточками и подрагивая от холода, мы, тайно или с доброго разрешения, вскочив с постелей, ждали, когда вспыхнет кремлевским заревом темнота над крышами Палашевского переулка. Тогда и свой голос подаст оттуда ближняя наша церковка.

Но во дворе раздавались голоса и шаги, и мы, забыв запрет, сон, всё, – кидались навстречу объятьям, пасхе, куличу и подаркам. И свежий, весенний пахнущий землей воздух, ворвавшийся со двора со взрослыми!

Бледным золотом апрельских лучей наводненная зала, парадно накрыт стол, треугольник (как елка!) творожной пасхи, боярскими шапками (бобрового меха!) куличи, горшки гиацинтов, густо пахнущих, как только сирень умеет, и таких невероятных окрасок, точно их феерическая розовость, фиолетовость, голубизна – приснилась. Но они стоят на столе! Ярмарочное цветение крашеных яиц, и огромный, сердоликом (чуть малиновее) окорок ветчины.

Как горели лбы (тайком, нагнувшись под стол, о них разбиваемых крутых яиц – подражание Андрюше), как пряно пахло от ломтей кулича, как пачкались в выковыривании изюминок и цукатов пальцы и как, противной горой, наваливалось пресыщение, когда крошка самого вкусного отказывалась лезть в рот! Каплями янтаря и рубина остатки вин в отставленных рюмках! И ненасытное счастье безраздельного обладания: новые книги, новые цветные карандаши, новые перочинные ножи, шкатулки, альбомы, новые яйца: стеклянные, каменные, фарфоровые – не считая бренности шоколадных, сахарных...»

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

Революция и другие трагические события XX века, конечно, внесли изменения в жизнь Марины Цветаевой, в ее быт, в празднование пасхальных дней.
На Пасху 1918 года народ не пустили в Кремль – впервые в истории.
В 1917 году Кремль пострадал от обстрела, особенно – Никольская башня, образ Николая Чудотворца – Николы Ратного – с мечом в руке. Изуродованный образ был завешен красной тканью. С тех пор Кремль был закрыт для обычных посетителей, но все ждали, что его откроют на Страстной неделе, надеялись, что прийти на пасхальное богослужение будет возможно. Однако этого не произошло. В понедельник Страстной седмицы М. Цветаева написала стихи:

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть – святыни –
всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому – запрета нет на Кремль!

А на третий день Пасхи М. Цветаева снова пишет стихи, где упоминается та самая икона святителя Николая:

Коли в землю солдаты всадили – штык,
Коли красною тряпкой затмили – Лик,
Коли Бог под ударами глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль...

Спустя годы, Цветаева,
просматривая эти стихи, сделает авторские примечания-воспоминания:
«Красный флаг, которым завесили лик Николая Чудотворца.
Продолжение известно». М. Цветаева знала, что в те пасхальные дни произошло чудо – красный плат, которым была завешена икона, разорвался сам по себе, посередине. В народе говорили – «мечом разрубил».

«Страстная Суббота – <дата не вписана.> {28 марта ст. ст.} 1920 г.
На днях – 13-го апреля – Ирине было бы 3 года. Мне не с кем говорить об Ирине – Аля не знает, с другими совестно, ни к чему – поэтому пишу об ней в книжку.
Сегодня Страстная Суббота, чудесный день, утро, солнце греет волосы на лбу, сижу у открытой форточки. Вспоминаю – сами вспоминаются! – чудесные Ининины глаза – ослепительно-темные, такого редкостного зелено-серого цвета, изумительного блеска – и ее огромные ресницы.
О, я хочу сына! – А если Сережу мне не суждено встретить – мне никого не нужно.
– А всё-таки – даже если будет сын – мне всё-таки вечно будет грызть сердце, что – двое, когда могло быть трое. – Вот. –
В Ининину смерть я по-прежнему не верю.

_____

Пасха будет без пасхи, кулича и т. д. и без любви, в полном одиночестве. (Аля не в счет, ибо Аля и я – одно. Любовь – что-то отдельное от себя.)
<...>
Где-то в доме пилят. – В Пасхальную ночь! – Аля спит одетая, в 2 ч. пойдем с ней к заутрене. (Заутреня в 2 1/2 ч., так велел Патриарх.)
<...>
Господи! Господи! Господи Боже ты мой! С кем и как мы с Алей будем встречать будущую Пасху?! (1921 года!)
Пасха 1915 г. – с Сережей в Кремле.
Пасха 1916 г. – с Мандельштамом у Нечаянной Радости, потом – все вместе – Сережа, Борис и я у Сережи наверху.
Пасха 1917 г. – в Борисоглебском, с Борисом.
Пасха 1918 г. – в Борисоглебском, в кухне (лампада, я в плаще, проснувшаяся Аля, Закс и Лиля с подарками, утром пасха и кулич от Цетлинов).
Пасха 1919 г. – в церкви Бориса и Глеба – нашей на Поварской – с Володечкой и Алей, потом хождение по Москве с Володечкой.
Пасха 1920 г.
<...>
«1-ый день Пасхи: приход Андрея с двумя малиновыми яйцами, – неловкое – трижды – христосование – буйная радость Али – кулич и пасха. Вместе обедаем моим грязным гороховым супом и пшеном. Потом провожаем его по праздничным бульварам».
(Из записной книжки Марины Цветаевой 1919–1920 гг.)

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

И в период эмиграции праздник Пасхи продолжал оставаться важным и значимым для М. Цветаевой и ее семьи, о чем говорят письма, поздравления: «Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Сейчас последний день нашей русской Пасхи.)» (письмо А.А. Тесковой от 9 мая 1926 года); «Дорогая Саломея, буду просить Вас о II ч<асти> (пишу как о книге!) иждивения. Вы удивитесь, куда ушли деньги с вечера? На квартирный залог – только сейчас довнесенный – зубного врача – и жизнь, к которой еще присоединилась Пасха: обязательность радостей. <...> Целую Вас и кончаю тем, с чего начать должно бы: Христос Воскресе!» (письмо С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 апреля 1927 года); «А сейчас пишу Вам, чтобы сердечно поблагодарить за коревую помощь, о которой мне только что сообщила Е.А. И<звольская> – и окликнуть на Пасху – и немножко сообщить о себе» (письмо С.Н. Андрониковой-Гальперн от 6 апреля 1934 года).

И в завершение – еще одна цитата, относящаяся к эмигрантскому времени и эмигрантскому окружению М. Цветаевой (речь идет о встрече Пасхи 1935 года – и многих предыдущих – вместе с Бальмонтом): «То, что он, уже больной, говорил прошлую Пасху о пасхальной заутрене, у которой мы семь лет подряд стояли с ним, плечо с плечом, невмещенные в маленькую Трубецкую домашнюю церковь, в большом саду, в молодой листве, под бумажными фонарями и звездами... – то, что Бальмонт, уже больной, говорил о Пасхе, я никогда не забуду».